№ 5 (18). Суббота, 13. 1. 1945 г.

„Wolja Naroda" („Der Volkswille").

ВОЛЯ НАРОДА

Цена: 20 пф.
Preis: 20 Pfg.
Год издания 1-й
1. Jahrgang

ОРГАН КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Berlin C 2,
Magazinstraße 15-16.

Стройка на костях

Годы сталинской диктатуры в нашей стране нерасторжимо связаны не только с усилением кровавого массового террора, но и с подкрепляемым этим террором новым курсом в ведении народного хозяйства. Сплошная коллективизация деревни и выполнение пятилетних планов индустриализации обрекли население СССР на невероятные лишения и бедствия. И коллективизация и индустриализация проводились большевиками отнюдь не в интересах нашего народа, а исключительно для укрепления собственной власти в стране и для подготовки последующего броска на Европу.

Неудивительно, что насильственная коллективизация, связанная с разорением советской деревни и превращением крестьянства в государственных крепостных, равно, как и проводившееся на костях миллионов тружеников строительство тяжелой индустрии, вызывали ненависть широких народных масс. Однако, во время настоящей войны большевистская пропаганда пыталась найти новый аргумент для оправдания политики Сталина в этой области. Советские пропагандисты начали уверять народ, что без индустриализации страны, проводившейся именно теми сверхударными темпами, каких требовал Сталин, Советский Союз не мог бы оказать сопротивления технически превосходно оснащенной германской армии.

Нет ничего более лживого и провокационного, чем подобное утверждение. Вспомним, хотя бы, что именно в то время, когда советская промышленность еще не была разрушена, т. е. в самом начале войны, Красная армия потерпела отчаянные поражения. Она потерпела их, прежде всего, потому, что народ, истощенный на колхозной барщине и стахановской каторге, не желал защищать большевистскую власть. Сопротивление Красной армии возросло в то время, когда значительная часть советской индустрии на Украине, в Белоруссии и центральной России была разрушена или доставлена на Урал, где ее еще не успели восстановить. Таким образом, политика Сталина, связанная с колхозами и пятилетками, в конечном результате не только не укрепила обороноспособности страны, но, напротив, явилась одной из главных причин разорения войной значительной части европейской России.

Сказанное отнюдь не означает, что индустриализация, вообще, была ненужна. Проведение ее было необходимо, но совершенно не теми способами, к каким прибегли большевики, думавшие, повторяем, не о народе, а лишь о собственных узко-групповых интересах. Сталин на одном из съездов открыто хвастался тем, что пятилетки выполняются без займов у иностранных держав, в то время, как все другие европейские государства при строительстве своей промышленности пользовались иностранными займами. Между тем, если бы Советский Союз не был отгорожен китайской стеной от остального мира и мог бы пользоваться на общих нормальных условиях европейскими займами для целей индустриализации, это избавило бы, в значительной мере, наш народ от тех невыносимых лишений, которые выпали на его долю.

С другой стороны, очевидно, что индустриализацию страны легче провести в том случае, если страна богата, чем, если она разорена. Сплошная же коллективизация разорила советскую деревню, вызвала в начале 30-х годов повальный голод и, тем самым, создала крайне неблагоприятную обстановку для выполнения пятилеток.

Наконец, метод использования многомиллионной армии заключенных для выполнения пятилетних планов резко противоречит требованиям современной техники, не признающей рабского труда. Сознательное убийство миллионов концлагерников на всякого рода строительствах не может быть оправдано никакими соображениями. Публикуемый в этом номере материал показывает, что большевики и в настоящее время продолжают прибегать к этому же традиционному для них способу строительства. Таким образом, становится ясным, что восстанавливать разрушенное войной они собираются за счет новых миллионов жизней наших сограждан. Только свержение сталинской тирании избавит народы России от этой участи.

„СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА“

Газопровод Саратов—Москва

Советская пропаганда — весьма сложный и в то же время очень простой код. Сложный для тех, кто жил вне страны или вне событий, и понятный для тех, кто был непосредственным их участником...

Перед нами несколько новых номеров советских газет. В них зашифрована почти каждая строчка. В тумане барабанных слов можно и заблудиться, но, вот, найден ключ, конец нити в руках. Еще немного, и клубок распутан. И жизнь видится такой, какова она есть.

На этот раз ключ весьма прост:

«Строительство газопровода Саратов — Москва поручить строительному управлению НКВД».

Достаточно. Этим все сказано. Дальнейшее ясно... Рассказы о строительных чудесах, об астрономических нормах выработки, о стахановцах, социалистическом соревновании и прочее.

Четвертая военная зима. Невероятные людские потери на фронте; каторжная работа в тылу, холод и голод...

Совнарком СССР обсуждает вопрос о строительстве газопровода Саратов—Москва. Протяжение — 800 километров; срок окончания — через 7—8 месяцев; самые трудоемкие работы — в зимнее время. И когда строительные организации, специалисты и техники начинают оперировать цифрами и говорят о трудностях, Сталин рубит Гордиев узел: «Строительство газопровода поручить НКВД»...

На далекой северной реке, в непроходимой глуши, тысячи обреченных каторжников начали строительство первой советской гидроэлектростанции — первого камня социализма.

Магнитогорск, Кузнецк, Беломоро-Балтийский и Московско—Волжский каналы, Куйбышевский гидроузел, Карагандинские шахты, советские «субтропики», Байкало-Амурская магистраль, — все, чем гордится советская пропаганда, все, что именует она «строительством социализма», построено под надзором архитектора-палача. Ужасна и гибельна цена такого «социализма» — палачей и заключенных...

„Первенец черной металлургии Казахстана“

Еще один строительный эпизод.

За 4 000 километров от Москвы есть город, не обозначенный на карте — Долинка. В нем более 100 000 жителей. Долинка — один из многочисленных поставщиков рабочей силы для строительного управления НКВД, знаменитый карагандинский концлагерь. Тот самый, куда теперь следуют поезда прямого сообщения: «Освобожденные области—Караганда».

Об этом, конечно, в газете ни слова не сказано, но это необходимо знать, ибо это — ключ к шифру.

В газете сказано о том, что в 35 километрах от Караганды, на берегу реки Нуры, построен первенец черной металлургии Казахстана — Карагандинский сталелитейный завод.

Строительство началось год назад, прошлой зимой. «За несколько месяцев, — пишет газета, — 1 300 строителей приобрели новые квалификации и вторые профессии. Теперь они дают рекордные нормы выработки. Молодежная бригада Игнатова перевыполняет производственные нормы более, чем на 1000%» и т. д. и т. п. — все, что надлежит в подобных корреспонденциях...

Балетмейстер Государственного Большого театра в 13-м лагерном пункте Долинки тоже приобрел вторую профессию. До этого он всю жизнь занимался искусством. На 13-м лагпункте его заставили ухаживать за овцами.

Мастер художественного слова — профессор С. работал в прачечной. Подобных примеров — бесчисленное множество...

Так, за барабанными строчками о второй профессии слышится надрывный хрип наших близких, которые в нечеловеческих условиях приобретают «вторые профессии» и, под надзором палачей-строителей, мостят своими костьми «первенцы черной металлургии».

„Вывезли“

Из Румынии, согласно договору, отправляются в СССР многочисленные эшелоны с оборудованием, скотиной и людьми... В газете так и сказано: ...«За последние дни, по данным союзной контрольной комиссии, вывезено в СССР: 119 вагонов с оборудованием, 37 вагонов с пчельниками, несколько сот вагонов с коровами и, кроме того, вывезено 36 000 русских из 57 000, выделенных союзной контрольной комиссией...»

Не «отправлено на родину», не «возвращаются домой», а «вывезено»! Как скотину. Причем, прежде сказано о коровах...

Зимой 1940 года начали памятный «вывоз» наших соотечественников и военнопленных из Финляндии; затем из Прибалтики, Польши и Румынии. Маршрут — в неизвестность; дорога — в никуда. И только потом стали доноситься к нам отдельные заглушенные стоны Сибири, Заполярья и Казахстана...

И снова эшелоны идут на восток, и тысячи обреченных людей вывозятся на новую каторгу страны социализма. Может быть, — на «первенец черной металлургии»; может быть, — на строительство газопровода Москва—Саратов. Может быть, еще дальше — в неизвестность, в никуда...

Доброволец РОА на занятиях

Два рапорта

7 января. «Правда».

Председателю государственного комитета обороны т. Сталину.

«Строители Челябметаллургстроя НКВД СССР докладывают Вам, что Ваше задание о вводе дополнительных мощностей Челябинского металлургического завода выполнено».

Комаровский, Раппопорт, Сапрыкин.

*

8 января. «Правда».

«Коллектив Богословского строительства НКВД, выполняя Ваше задание, сдал в эксплоатацию I очередь Тепло-Электроцентрали и Волчанский угольный разрез...»

Вишняков, Бойков, Фельдман и др.

Комментарии излишни.

„Советское землепользование“

Почти в каждой газете встречается хроника о жизни советской Латвии.

«В рижском дворце пионеров тысяча латвийских школьников весело провели каникулы и елку...» «Шахматная борьба между Эстонией и Латвией близится к финишу...» — и в каждом номере увлекательные подробности о победе эстонского гроссмейстера...

И только в одной газете, совсем коротко, напечатан репортаж о съезде районных исполнительных комитетов.

На этом съезде обсуждался вопрос о советском землепользовании в Латвии. Как туманно и осторожно звучит это «советское землепользование»!

Нам хорошо памятны продразверстка и продналог. Мы были очевидцами сплошной коллективизации. Теперь наши прибалтийские соседи знакомятся с «советским землепользованием».

Пока еще сделан только первый шаг — отобраны в государственный фонд земельные участки у 14 000 крестьян («кулаков»). И «кулаки» и «государственный земельный фонд» не нуждаются в комментариях.

14 000 латвийских крестьян и, вероятно, десятки тысяч их родственников увезены в строительные батальоны НКВД.

«Добровольцы-энтузиасты» рижского съезда потребовали организации первых колхозов.

Крестьянская война в Латвии началась...

На марше в одном из подразделений Українського Визвольного Війська

Ссора из-за назначения Монгомери

Английский генерал Монгомери, командовавший до сих пор 2-й британской и 1-й канадской армиями на фронте от Северного моря до северного участка Аахена, назначен теперь также командующим 1-й и 9-й американскими армиями и руководит действиями против германских частей, прорвавшихся в Арденны.

До сих пор 1-я и 9-я американские армии были подчинены американскому генералу Брэдли, который командовал аахенским фронтом и, следовательно, был ответственен за тяжелые потери, понесенные американцами в Аахенском районе, как и за допущение германского прорыва. По всей вероятности, Эйзенховер намерен свалить главную вину за декабрьские неудачи на Брэдли.

Когда генерал Монгомери принял, по приказу Эйзенховера, командование 1-й и 9-й американскими армиями, лондонское осведомительное бюро сопроводило это сообщение комментариями, в которых говорилось, что Монгомери застал американские армии в состоянии полного беспорядка. Резервы были, будто бы, совершенно истощены, и связь с соседними участками нарушена. «В это время явился Монгомери, быстро принял решение и задержал немцев», — говорится в английских комментариях.

Естественно, что подобная характеристика американских армий вызвала у американцев сильное раздражение, ибо они не раз твердили, что лишь стойкость американских войск спасла положение на западном фронте. Возбуждение в США было столь велико, что лондонское осведомительное бюро должно было опровергнуть собственные замечания и заявить, что оно никогда не утверждало, будто Монгомери спас положение в Арденнах.

Европой правят старцы

Английская газета «Манчестер Гардиан» пишет в весьма ироническом тоне по поводу странной любви союзников к «правительствам старцев» в оккупированных ими странах Европы. «Создается впечатление, как будто они хотят видеть правителями будущего мира людей, уже перешедших границу 70 лет», — говорится в газете, напоминающей читателям, что и Черчилль недавно отпраздновал свое 70-летие.

В Италии Бономи, которому уже 71 год, долгое время спорил из-за власти с попавшим ныне в опалу графом Сфорца, которому 75 лет. Когда этим политическим деятелям не удалось договориться, союзники не нашли лучшего выхода, как извлечь «из архива» бывшего итальянского министра иностранных дел Орландо и предложить его в качестве министра-президента. Орландо достиг возраста 84 лет.

В Греции, не считая Папандреу, любимым кандидатом англичан был бывший министр-президент либерал Софулис, 84 лет. Рекорд, однако, побил Тито, предложивший в качестве главы, так называемого, югославского регентского совета Ацу Станойовича, достигшего почтенного возраста 93 лет. «Теперь недостает лишь столетнего политического деятеля», — иронизирует «Манчестер Гардиан».

Наоборот, на Ближнем Востоке, в Ираке, бразды правления охотнее всего доверяются несовершеннолетним.

Дети и старики. Это — любимые марионетки для англо-американцев и большевиков, так как, прикрываясь их именами, можно творить что угодно.

Салаши об исторической борьбе Венгрии

По случаю дня рождения главы венгерского государства Франца Салаши, венгерские рабочие в Германии отправили ему ряд приветственных телеграмм. Салаши прислал им ответную телеграмму, отмечая, что 1944 год принес венгерскому народу крайне тяжелые испытания. Значительная часть страны находится под вражеской властью. Необходимо освободить отечество и помочь спасти Европу. Нашествие монголов и турецкое владычество бледнеют перед опасностью, угрожающей ныне Европе. Все венгры, не могущие бороться против большевиков с оружием в руках, должны напрячь все усилия, чтобы своим трудом содействовать уничтожению врага. Истекающее кровью отечество ожидает от венгерских рабочих, что они повышенным трудом будут содействовать победе. В заключение Салаши благодарит за полученные поздравления.

Анархия в Греции

По сообщению из Берна (Швейцария), повстанческие отряды ЭЛАС, после пятинедельных боев, прекратили организованное сопротивление в Афинах и очистили как город, так и порт Пирей.

Следует предположить, что войска ЭЛАС будут концентрироваться где-нибудь в провинции. Они захватили немалое число заложников, чтобы таким способом оказывать давление на новое правительство Пластираса. По сведениям «Рейтера», взято 4 000 заложников, сам же регент Греции определяет число их в 8 000.

Генерал Скоби дал понять руководителям повстанческих войск, что они ошибаются, если думают очисткой Афин и Пирея добиться перемирия. Скоби не признает прежних условий перемирия, он ставит новые, более тяжелые условия.

*

Англичане ожидали, что после очищения Афин от повстанцев гражданская война в Греции затихнет, однако, надежды эти не оправдались. Отряды ЭЛАС постепенно уходят в горы. В руках англичан находится лишь провинция Аттика. Генерал Пластирас заявил на конференции печати, что он создаст «ликвидационную армию» для окончательного истребления повстанцев и сам станет во главе ее.

Англичане весьма озабочены тем, что войска ЭЛАС увели в горы военнопленных англичан, совершенно не подготовленных к зим[illegible].

Пластирас распорядился об аресте всех вождей повстанцев, где только они будут захвачены.

*

«Ньюс Кроникл» замечает по поводу военных действий в Греции, что приходится считаться с затяжной партизанской войной. Даже полная победа британских войск над повстанцами не привела бы к успокоению страны. По данным агентства «Рейтер», войска ЭЛАС потеряли во время боев в Афинах 15.000 человек, не считая бесчисленных жертв погибших от воздушной бомбардировки англичан.

Греческий полуофициоз «Элефтерия» сообщает, что партия ЭАМ и войска ЭЛАС подчинены теперь военно-политическому триумвирату, состоящему из генерального секретаря коммунистической партии Сиантоса, бывшего министра земледелия Цейгоса и члена политбюро коммунистической партии Иоаннидеса.

Греческий национальный комитет

На территории Германии на-днях учрежден «Греческий национальный комитет», преследующий цель охранять греческие национальные интересы и опекать находящихся в Германии греческих рабочих.

В состав комитета вошли видные политические деятели, как, например, бывший товарищ министра-президента последнего греческого правительства Гектор Тсироникос (председатель комитета), последний губернатор острова Крит Яннис Пассадакис и вождь греческого национального движения Константин Гоулас.

ПЕССИМИЗМ ГРЕЧЕСКОГО КОРОЛЯ

«Увы, друзья, в Европе скоро останутся всего пять королей — четыре карточных и, может быть, английский...»

Сражение на западе

Германские войска взяли ряд пунктов за линией Мажино • Лесные бои за выход в долины в Нижних Вогезах

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Согласно последним сообщениям Германского Верховного Командования, в северных Арденнах продолжалось оборонительное сражение против американских войск, безуспешно пытавшихся прорвать фронт на северном и южном флангах германского клина. В целях укрепления флангов клина, германские войска оставили без давления со стороны противника расположенную западнее р. Урт часть клина с городом Сент-Юбер. На северном фланге, юго-западнее Вальсальма американские атаки не смогли преодолеть мощи германской обороны. Также и в районе Бастони беспрерывный нажим противника в северном направлении не внес существенных изменений в начертание линии фронта.

В Лотарингии, севернее Рорбаха, германские войска заняли местечко Римлинг. В Нижних Вогезах продолжаются лесные бои за выходы в долины.

На рейнской равнине у Гаттена германские войска взяли ряд укреплений линии Мажино и освободили многочисленные населенные пункты в среднем Эльзасе.

Южнее Эрштейна уничтожена окруженная группа противника, причем взято в плен свыше 300 человек.

Район Лондона, Льежа и Антверпена подвергались усиленному огню дальнего действия.

С 1 января на западном фронте было уничтожено свыше 850 неприятельских танков.

БАЛКАНЫ И ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

В Венгрии германские войска, преодолевая яростное сопротивление советских войск, достигли района севернее Штульвейсенбурга и отразили контрудар советского механизированного корпуса, уничтожив 73 танка из нападавших 120.

Южнее и северо-восточнее Вертешевых гор отбиты многочисленные советские атаки, причем подбито 16 танков.

Гарнизон Будапешта продолжал успешно отражать яростные атаки советских войск, применивших многочисленные огнеметы и танки.

Удачной атакой германские войска сузили неприятельское вклинение севернее Дуная, уничтожив при этом 17 советских танков.

За последние дни боев советские войска потеряли в Венгрии 812 танков.

У Мемеля германские части внезапно ворвались в советское расположение и нанесли противнику чувствительные потери.

ВОЗДУШНАЯ ВОЙНА

Террористические налеты американской авиации были направлены против ряда мест прифронтовой полосы на западе. Английские скоростные бомбардировщики сбросили бомбы на Ганновер.

Михаил Шолохов

Михаил Шолохов — член ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, орденоносец, советский помещик. Это — одна сторона облика Шолохова. И в то же время Шолохов является самым талантливым из живущих ныне русских писателей. Его роман-эпопея «Тихий Дон», несомненно, войдет в историю нашей литературы, как выдающееся достижение эпохи большевистского безвременья. Это — другая сторона облика Шолохова.

Нас интересует сегодня, конечно, лишь Шолохов — писатель. И только в связи с его писательством, мы коснемся вопроса о нем, как о человеке. Первое, что приходится отметить, погружаясь в мир художественных образов «Тихого Дона», это — явно противобольшевистская направленность всего романа. Вспомним, с какой любовью и нежностью описывает автор в первом томе «Тихого Дона» патриархальный уклад дореволюционной казачьей жизни. С какой искренностью говорит он о сомнениях и колебаниях казачества в годы революции, того самого казачества, которое клеймилось партийными историками гражданской войны, как «гидра контрреволюции», и в течение десятков лет беспощадно истреблялось большевистскими карательными органами. Глубокой человеческой правдой веет от всех героев романа, участвующих в «белом движении» на Дону. Старики, верные хранители традиций казачьей вольницы, и молодой Петр Мелехов, гибнущий в схватке с большевиками, — все они показаны писателем с чувством глубокого понимания, поистине, как «свои люди».

А главный герой романа Григорий Мелехов, честный и беззаветно смелый, горячий в любви и в рубке, обаятельно привлекательный и неуёмно талантливый. Разве случайно порывает он с большевиками, став свидетелем их зверской расправы с безоружными пленными? Разве случайно весь его жизненный путь в годы гражданской войны проходит в лагере борцов с большевизмом? Правда, путь этот полон противоречий и, по сути, глубоко трагичен. Григорий Мелехов — офицер и, вместе с тем, простой казак. Он не имеет и не может иметь ничего общего с каким-нибудь сотником Листницким, являющимся типичной фигурой «белого движения», возглавлявшегося «господами», плохо понимавшими, что нужно простому народу. Но в этой трагической разорванности большого казачьего героя романа и открывается подлинная глубинность исторической и философской проблематики «Тихого Дона». Личная судьба Григория Мелехова представляет неповторимо своеобразное воплощение исторической трагедии всего казачества, больше того, всего русского народа, оказавшегося в годы гражданской войны на распутьи: Направо поедешь — коня потеряешь, налево — голову снесут, а прямого пути, каким поехал легендарный Илья Муромец, у нашего народа тогда не оказалось.

Обаяние образа Григория Мелехова и волнующее значение его судьбы для нас заключается именно в том, что он до конца остался с народом, плотью от плоти которого он был. И когда, читая о преследовании мелеховского отряда красными, мы с замиранием сердца следим за перипетиями погони с надеждой, что герою удастся «уйти», — это является, может быть не всегда до конца осознанным, но несомненным выражением отрицательного отношения к большевизму, возбуждаемым в читателе романом Шолохова. Неслучайно, поэтому, все образы коммунистов в романе, включая Подтелкова, представлены, сравнительно с другими героями, очень бледно и, в большинстве, вызывают неприязненное чувство. Таковы, например, Бунчук, Штокман или Мишка Кошевой, превращающийся под влиянием большевизма из веселого и милого парня в жестокого и узкого человека, не останавливающегося перед преследованием и предательством своего друга и родственника Григория. Все, это подчеркивает большевиков, в романе показаны, как люди, далекие от земли, оторвавшиеся от жизни народа.

Советская критика уже после выхода из печати первых томов «Тихого Дона» — а они смогли увидеть свет лишь благодаря заступничеству за молодого автора такого авторитета «пролетарской литературы», как Серафимович, — сразу же нашла новое произведение в штыки. Шолохова «клеймили», как «кулацкого писателя», и даже не стеснялись печатно заявлять, что он похитил рукопись романа у какого-то погибшего белогвардейца. Только после того, как выяснилось, что скрыть от читателей такую выдающуюся вещь, как «Тихий Дон», все равно не удастся, кремлевские вельможи оседлали литературных шавок и попробовали воздействовать на автора уже не угрозами, а подкупом. Однако, для Шолохова депутатство в Верховном Совете и тесные отношения с партийными верхами явились, прежде всего, средством закончить свой роман так, как при других условиях было бы невозможно из-за драконовских советской цензуры. В последней, шестой части романа Григорий Мелехов остается за бортом советской жизни, одинокий после потери Аксиньи, убитой красными преследователями, опустошенный духовно, но по-прежнему непримиримый. Ярким художественным символом, бросающим отблеск на всю эпопею, выступает заключительная картина, когда Григорий, гонимый чужаком, стоит у родного крыльца, а над ним распростерто синее небо со зловещим черным солнцем. Это черное солнце взошло над Россией, покоренной большевиками.

Сразу же после появления заключительной части романа, в советской печати и, в частности, в «Литературной газете» началась многомесячная дискуссия, имевшая целью смягчить впечатление, произведенное на читателей подобным, неслыханно смелым для советской литературы, финалом. Однако, как и можно было ждать, из этой попытки ничего не вышло, и все критические домыслы советских борзописцев оказались бессильны скрыть правду страстных и оваренных художественных образов «Тихого Дона».

Поэтому в писаниях о Шолохове стало традицией усиленно напирать на его другое крупное произведение — «Поднятую целину», посвященное успешному проведению сплошной коллективизации советской деревни в начале 30-х годов. Но, к сожалению для партийной критики, и это произведение, по существу, дает материал скорее для выводов, противоположных тем, какие были желательны для сталинцев. Во-первых, «Поднятая целина» — произведение очень неровное, и наряду с превосходной обрисовкой отдельных фигур, например, комического деда Щукаря или легкомысленной Лушки, там выведены весьма худосочные в художественном отношении образы таких партийных героев, как Разметнов и Нагульнов. Во-вторых, и это самое существенное, «Поднятая целина» осталась Шолоховым незаконченной, оборванной на первой части и, несмотря на неоднократные сообщения советской печати, что писатель скоро выпустит вторую часть повести, она так и не появилась, да, думаем, и никогда не появится. Что это, как не лучшее доказательство простой истины: подлинный художник не может лгать в своих произведениях, ложь калечит художественный вымысел, ведет к примитивной агитке, а не к подлинным достижениям искусства.

Из того, что мы сказали о Шолохове — писателе, невольно хочется сделать вывод и относительно Шолохова — человека, потому что, ведь, все же трудно поверить, что художник и человек, писатель и гражданин, в нем уже так абсолютно отделены друг от друга. И, если мы в настоящее время лишены возможности говорить о Шолохове — человеке категорически, то не побоимся, хотя бы, вероятного предположения. А такое предположение напрашивается само собой. Не является ли образ Григория Мелехова не только объективно художественный, но и в какой-то мере автобиографичный? Имеем в виду, конечно, не внешнее портретное сходство наружности и судьбы, которого в романе нет и в помине, а некоторое внутреннее духовное сродство автора со своим любимым героем. Иными словами, не характерна ли для самого Шолохова та внутренняя раздвоенность, то желание идти не направо и не налево, а своей прямой народной дорогой, которая заставляет Григория судорожно метаться по залитым кровью большакам и проселкам гражданской войны?

Ведь, неслучайно Шолохов — орденоносец и советский вельможа написал вдохновенный противобольшевистский роман. Неслучайно он неоднократно отклонял предложения переехать в Москву, поближе к сталинским милостям, и оставался спокойно жить на своем донском хуторе. Неслучайно, наконец, и его речь, как депутата Верховного Совета, прозвучала в свое время таким резким критическим диссонансом по сравнению с выступлениями других, продавшихся властям депутатов. Да и хорошо известная в литературных кругах нелюбовь Сталина к Шолохову тоже что-нибудь означает.

Во всяком случае, последний роман Шолохова, посвященный событиям настоящей войны, отрывки из которого печатались в «Правде», показывает, что писатель, все еще находясь на духовном распутьи, пока не собирается капитулировать перед своими партийными душевладельцами.

Памятное

Тысячи писем. Они все идут и идут со всех сторон Германии. Не просто письма, а исповеди. Многие анонимные и живые раскрыли свою душу и рассказали все, что накопилось за долгие годы. Рассказали так, как говорят самым близким людям.

Но есть и анонимки. Их несколько на тысячу — трусливых по привычке, написанных левой рукой, набитых цитатами из политграмоты. Некоторые из них с необычайно странным концом, «умоляю вас, дайте мне ответ на мое письмо в газете»... Высказал человек свой запас советских лозунгов и не выдержал: вырвалось из сердца, из самых глубоких тайников — «дайте ответ, помогите и мне избавиться от проклятой морока».

Таким хочется ответить. Даже когда они пишут:

«Только Сталин спасет наших братьев из плена. Если бы вы побывали за проволокой, то знали бы, как ждут пленные прихода наших»...

Не знаю, был ли в плену автор письма, но я был, и хочу рассказать, как мы ждали Сталина.

*

Друзья! — те, кто пережил весну 1942 года под Харьковом или Керчью; те, кто вырвался из плена и возвратился «домой»; те, кто остался за проволокой! Сможете ли вы когда-нибудь позабыть заботу «отца и друга»?!

*

13 мая 1942 года началось весеннее наступление на Харьковском фронте. За 10 дней, благодаря преступной бездарности Сталина и Тимошенко, погибли сотни тысяч людей, и сотни тысяч попали в плен.

Жуткие дни. Благодатное весеннее небо, привольные украинские степи и безысходная гибель. В узком кольце метались в поисках выхода обреченные армии.

С голубых небес, через неширокий Донец, из зеленеющих перелесков, — со всех сторон сыпались мины, снаряды и бомбы. Давили, мяли, рвали, и все новые и новые груды тел покрывали черноземное поле.

Несколько раз, без оружия и боеприпасов, а главное, без всякого водительства, шли армии на прорыв. Никто и не помышлял о плене. Решили пробиваться к своим, во что бы то ни стало.

Санитарные машины, обозные повозки, танки и орудия (без боеприпасов) и многие тысячи пехотинцев (без патронов и хлеба) лавиной шли на прорыв.

Их давили танками, зажигали снарядами. День и ночь — гибель. Ночь — светлее дня от зарева страшных пожаров...

В Москве составляли победные сводки, и захлебывалось от восторга радио. В Воронеже, в штабе фронта, готовились получать новые награды. И все вместе — и в Москве и в Воронеже совершали ошибку за ошибкой и вели к гибели целую армию.

И вдруг захлебнулось радио. Засуетились маршалы. Но увидели, что поздно и бросили армии на произвол судьбы. Сотни тысяч живых скинули со счетов. И перестали о них помнить.

По приказу Сталина улетели с «зачумленного» места все самолеты. Сталинские соколы обижали небо, и чужие самолеты беспрепятственно сбрасывали свои бомбы.

Хоть бы «кукурузник» какой-нибудь пролетел! Хоть бы листовки какие-нибудь кинули: «Держитесь, товарищи! Родина помнит о вас и примет все меры для выручки!»

Какое там помнит, какая там выручка! Поскорей бы избавиться от позора, замести следы, не повредить своему маршальскому престижу! А людей...

И, может быть, тогда у трехсот тысяч заживопогребенных людей слетела с глаз последняя пелена, и они увидели всю горькую правду большевизма. Так одна капля переполняет чашу, и уже ничто не остановит близящейся бури.

Хоть бы два слова: «Держитесь, товарищи!»...

А затем — плен. Тысячами бесконечной многоверстной цепью вели нас в Барвенково, в Лозовую, Павлоград, Харьков. Новые тракты проложили пленные по степи. И, вот, там в пути, возле села Петровского, пришел к нам на выручку Сталин.

В полдень, в ясном небе, впервые за 10 дней окружения, увидели мы «горных соколов». Они пронеслись над нами, приветно помахивая крыльями с красными звездами, и сбросили бомбы. Возвратились и стреляли из пулеметов. Мы падали по обочинам дороги и с ненавистью смотрели в небо.

«Держитесь, друзья. Сталин помнит о вас. Сталин выручит!»...

*

За проволокой времени много. Там, впервые за всю жизнь, воспользовались мы свободой совести и слова. Каждый передумал над своей жизнью и выслушал жизнь товарища. И уже не могло быть дороги назад, к сталинской лжи...

В Лозовой, за колючей проволокой, в пересылочном лагере, согнали более 30 000 пленных.

В одну из ночей несколько «кукурузников» сбросило над лагерем листовки «об изменниках родины».

Рассеялись последние иллюзии...

*

Павлоград, Бердичев, Владимир-Волынск. Десятки пересыльных пунктов и лагерей. Два года за колючей проволокой. Плен. Только одним этим словом все сказано.

В одном из лагерей мы оказались соседями пленных французов. Встречались на работе, по вечерам собирались у проволоки. Они рассказывали нам о себе, о своей родине, о старом маршале Петэне.

И нам становилось еще тяжелее.

Французы с нетерпением ждали конца войны, вспоминали близких и мечтали о скором возвращении домой — в Париж, в маленькие нормандские деревушки, к своим Жанеттам и Мари.

Каждую неделю, получив письмо из дому, они торопливо разрывали конверты и десятки раз перечитывали каракули подрастающих Гаврошей.

И никак не могли понять, почему никто из нас не получает писем, почему никто не помнит о нас, почему мы «отверженные».

Ни на минуту за все дни плена мы не переставали думать о судьбе своих близких. Даже наша гибель не спасла бы их от расплаты.

Молотов красочно, со слезой и проклятием рассказал про наши страдания в плену, но международной конвенции Красного Креста все же не подписал. И мы продолжали оставаться самыми бесправными, самыми отверженными.

*

Друзья! Те, кто пережил весну 1942 года под Харьковом или Керчью; те, кто вырвался из плена и возвратился «домой»; те, кто остался за проволокой! Сможете ли вы когда-нибудь позабыть заботу «отца и друга»!?

В. Юрьев

За линией фронта

Фронтовая полоса... Во время вчерашней контратаки взяты военнопленные и вместе с ними трое крестьян-венгров. Пробирались крестьяне на эту сторону, уходили от большевиков и были захвачены советскими пикетчиками. Случай помог нам избавить их от смерти. Сейчас стоят они, молчаливые, потупив взор.

Начинаем разговор. Обращаемся к самому старшему из них, к Янушу Слепак, крестьянину из деревни Давиткас, района Орошвег.

— Почему же вы не ушли, когда отходила германская армия?

Молчит старик, только переминается с ноги на ногу.

— Большевиков ждали?

— Нечего греха таить, ждали, — отвечает он, разводя руками.

— Почему же ждали?

— Лучше, думали, будет, вот и ждали. Откуда нам было знать!

— А что, разве стало хуже?

— Какое там! Сроду такого не видали!

И, торопясь высказать наболевшее, заговорили крестьяне все разом. О трагедии, уже пережитой русским крестьянством, рассказали они нам.

— Пришли большевики. Хоть и ждали, все-таки боязно было. По домам сидели. На следующее утро ходили по хатам, выкрикивали: «Приходить на сходку!» Пришли. Перво-наперво — отдать всех лошадей. Было у Януша Слепак две лошади — забрали... Да и у всех забрали, не только у Януша. Стоим, молчим... Да разве скажешь что-нибудь, когда везде солдаты, и пулемет около школы поставили.

А потом пошло... Мясо дай, яички дай, хлеб дай. Обобрали всех. Застонал народ. Вот тогда и началась расправа. Не было еще никогда у нас, чтобы за одно слово пропадал человек, неведомо куда. Побежали крестьяне. Те, что помоложе — в горы, а мы подались до германской армии. Было пятеро нас, да вот осталось только трое... Страшное творится по нашим деревням.

Слушали мы, и перед нами вставали знакомые картины советской жизни.

Здесь же рядом, во время нашей беседы стояли красноармейцы, взятые в плен. Среди них одна молодая девушка-москвичка, Раиса В. Совсем недавно она рассказывала о себе. Ей 19 лет. Добровольно пошла в армию и уже около года на фронте. Когда мы ей задали вопрос: «За что же вы боретесь?», она ответила: «За освобождение угнетенных от капиталистической эксплоатации». Тогда при ее ответе вспомнился нам учебник истории партии. Типичная фраза.

Слышали военнопленные, как беседовали мы с помощью переводчика, и обратились мы к Раисе:

— Вот они, угнетенные, освобожденные вами от капиталистической эксплоатации. Рады ли они?

Раиса стояла, несколько смущенная. И позже, когда завязалась беседа, забыла она о заученных фразах и так просто и бесхитростно рассказывала о виденном в Румынии, Болгарии и Венгрии.

— Шли мы освобождать, — начала она. — Верили, что мучаются люди. А что увидели? Проходили мы больше по деревням. Так деревенские девушки одеты не хуже горожанок.

— А что говорят красноармейцы, офицеры, — спросили мы.

— Что они говорят! Ясно, что. Глаза от удивленья раскрывают. Те, что постарше, то ухмыляются только, а помоложе — одно говорит: «Буржуи, говорит, все, а мы их, дураки, освобождать вздумали!» Да спросите у них. Вот они, красноармейцы. — И она указала на группу военнопленных.

Спросили. Об одном говорят все. Плохо кончится для большевиков, что упала китайская стена, отделявшая Советский Союз от остального мира. Раскрылись глаза, увидели настоящую жизнь советские люди, а народы Западной Европы узнали, что такое большевизм. Узнали и испытывают на себе.

Начинается борьба в тылу Советов против большевистского правления. Уходят «освобожденные» румыны, болгары, венгры в горы; присоединяются к ним красноармейцы, убегающие из частей. Растет, крепнет наш резерв на той стороне.

Один вывод можно сделать — каждый шаг Красной армии на запад приближает большевиков к неизбежному поражению.

Поручик В. Кононов

Конечно, как и следовало ждать, это роман художественно неровный. Во-первых, сказывается спешность работы над материалом, еще не выдержавшимся в творческом сознании писателя, да и по вне не получившим своего исторического разрешения. Во-вторых, определенное место в романе Шолохова, вольно или невольно — безразлично, занимает казенное восхваление роли коммунистов в настоящей войне и некоторые тенденциозные описания и характеристики. Однако, интересно отметить, что и то и другое играет в романе весьма небольшую роль, появляясь скорее в виде необходимой, с цензурной точки зрения, приправы к основному содержанию. Это же главное содержание романа связано с изображением простых русских людей, политически не мудрствующих, но повенных жертвенной любовью к своей окровавленной родине, способных на беззаветные и героические подвиги. Вглядываясь в лица и поведение этих шолоховских героев, встающих со страниц его произведения, как живые, мы отчетливо сознаем, что, если сегодня, в силу ряда причин, они сражаются в Красной армии, то завтра они смогут быть на нашей стороне.

Не меньшее значение, чем изображение лучших людей из толщи народа, шагающих по дорогам великой войны, в романе имеет резкая и до конца правдивая критика тех бесчеловечных условий, в которые большевики поставили Красную армию. Правда, в романе нет по этому поводу прямых высказываний автора, но то, что Шолохов показывает, само по себе производит впечатление неотвратимой и страшной правды. Иногда эта правда обнаруживается даже в какой-нибудь внешне незначительной сцене, случайном диалоге. Например, когда два красноармейца рассуждают о том, что скоро их произведут в офицеры, так как весь младший состав их части будет, видимо, перебит немцами. Мелочь, но разве не раскрывается за этим мелким, будто нечаянно брошенным штрихом, влошенная для народа истина о колоссальных потерях Красной армии, бросаемой большевиками на убой?

Многочисленны в романе и более резкие сцены, приоткрывающие завесу над судьбой наших братьев и сестер, обреченных воевать по сталинской указке и под опекой ВКП(б). Возьмем, в качестве образца, хотя бы один из отрывков романа Шолохова, напечатанный недавно в № 159 «Правды», где описывается ранение одного из героев и его положение в госпитале.

Прежде всего бросается в глаза, что Шолохов не скрывает истощения в СССР людских резервов, когда на передовой работу санитаров должны выполнять девочки. Потрясает сцена, когда выбивающаяся из сил девочка тащит грузного раненого под градом сыплющихся кругом пуль и мин. Вот как рисует эту картину сам писатель.

> «За короткие минуты просветления, вызванными озарившего сознание, Звягинцев пока еще не успел по-настоящему осмыслить всей безвыходности своего положения, не успел пожалеть себя, а девушку пожалел, сокрушенно думая: «Дите, совсем дите! Ей бы дома с книжками в девятый класс бегать, всякую алгебру с арифметикой учить, а она, тут под невыносимым огнем страсть терпит, надрывает животишко, таская нашего брата...»

И дальше:

> «В нескольких метрах от воронки девушка выпустила из потной занемевшей руки угол плащ-палатки, перевела прерывистое дыхание, неожиданно проговорила плачущим голосом:
>
> — Господи, и зачем это берут таких обломов в армию? Ну, зачем, спрашивается? Ну, разве я дотащу тебя, такого мерина? Ведь в тебе, миленький, верных шесть пудов!»

Что это, как не грозное обвинение власти, бездарно организовавшей оборону и обрекшей даже наших детей на кровь и ужас на фронте?

Но и судьба взрослых оказывается не менее страшной. Потерявшего сознание Звягинцева девочка-санитарка все же вытаскивает из-под огня и он попадает в медсанбат. Казалось бы, здесь раненый боец может найти все средства медицинской помощи, может не думать ни о чем, кроме своих страданий. Но не тут-то было. Звягинцев вынужден думать не меньше, чем о раненых ногах, о своих сапогах, которые хочет разрезать санитар.

> «В это время пожилой лысый санитар в очках подошел к нему, наметанным глазом скользнул по ногам и, нагнувшись, хотел разрезать голенище сапога, но Звягинцев, молчаливо следивший за ним напряженным и острым взглядом, собрав все силы, тихо, но решительно сказал:
>
> — Штаны пори, не жалко, а сапоги не трогай, не разрешаю. Я в них и месяца не проходил, и они мне недешево достались. Видишь, из какого они товару? Подошва спиртовая, а вытяжки настоящие, говяжьи. Это, брат, не кирзовый товар, это понимать надо... Я и так Богом обиженный, шинель-то и вещевой мешок в окопе остались. Так-что сапог не касайся, понятно?
>
> — Ты мне не указывай, — равнодушно сказал санитар, примеряясь, как бы половчее полоснуть вдоль шва ножом.
>
> — То-есть, как это — не указывай? Сапоги-то мои? — возмутился Звягинцев.
>
> Санитар слегка распрямил спину, все так же равнодушно сказал:
>
> — Ну, а что, как твои? Бывшие твои, я не могу же я их вместе с твоими ногами стаскивать.
>
> — Слушай ты, чудак такой... Тяни осторожненько, потихонечку, я стерплю, — приказал Звягинцев, все еще боясь пошевелиться, и от мучительного ожидания новой боли расширенными глазами уставившись в потолок.
>
> Не обращая внимания на его слова, санитар наклонился, ловким движением распорол голенище до самого задника, принялся за второй сапог. Звягинцев еще не успел как следует обдумать, что означают слова «бывшие твои», как уже услышал легкий веселый треск распарываемой дратвы. У него сжалось сердце, захватило дыхание, когда мягко стукнули каблуки его небрежно отброшенных к стенке сапог. И тут он, не выдержав, сказал дрогнувшим от гнева голосом:
>
> — Сука ты плешивая! Черт лысый, поганый! Что же это ты делаешь, паразит!?
>
> — Молчи, молчи, сделано уже. Тебе вредно ругаться. Давай-ка я тебе помогу на бок лечь, — примирительно проговорил санитар».

Здесь нет ни одного лишнего штриха. Все сказано предельно правдиво, даже с каким-то юмором. Но вдумайтесь, сколько затаенной боли в этом горьком юморе писателя. Среди крови и стонов, изнемогая от ран, Звягинцев препирается с санитаром из-за пары сапог. Какой тяжелой ценой должны были достаться ему эти злосчастные сапоги для того, чтобы он соглашался терпеть дикую боль и настаивал, чтобы их не разрезали, а стягивали с его израненных ног? Сколько должен был человек промучиться, шагая разутым по колдобинам и болотам, сколько натерпеться, если пара сапог кажется ему сокровищем, цена которого чуть ли не равна цене жизни? Преодолеем внутренним усилием эпическое спокойствие шолоховского тона, и мы найдем в приведенной сцене не анекдот, а настоящую трагедию, трагедию обобранной и разутой армии.

Попадая на операционный стол, раненый боец вынужден перенести нечеловеческие муки, уже, хотя бы, по одному тому, что в медсанбате нет наркотических средств. Операции делают без наркоза, заменяя его в особо трудных случаях порцией водки. Героически борясь с нечеловеческой болью, Звягинцев не может удержаться от стона. Тогда хирург, копающийся в его ранах, говорит:

> «— Терпи, терпи, гвардеец! Тебе же лучше будет, — успокаивающе проговорил хирург.
>
> — Вы бы мне хоть бы какого-нибудь порошка усыпительного дали. Ну что вы скупитесь на лекарства? — невнятно прошептал Звягинцев.
>
> Но хирург сказал что-то коротко, властно, и Звягинцев, за время войны привыкший к коротким командам и властному тону, покорно умолк и стал терпеть, иногда погружаясь в тяжкое забытье, но даже и сквозь это забытье испытывая такое ощущение, будто голое тело его ненасытно лижет злое пламя, лижет, добираясь до самых костей».

Убедительность сцен, показанных Шолоховым, в том, что в них действительно перед читателем выступают мужественные, замечательные русские люди. Чудесен образ маленькой, рыжекудрой санитарки, вытаскивающей раненого из пекла боя. Незабываем Звягинцев, простой и сильный, стоически переносящий самые лютые муки. По-человечески понятны и привлекательны санитары и врачи. Одним словом, Шолохов разрешает чрезвычайно трудную задачу правдивого реалистического изображения незаметных, но подлинных героев нашего народа.

И, вместе с тем, все, что относится к организации Красной армии, ее снабжению, медицинскому обслуживанию, производит ужасающее впечатление. Так, самой логикой художественных образов большевистская власть в романе Шолохова оказывается противопоставленной народу, совершающему подвиги, льющему свою кровь, невыносимо страдающему. И эта художественная правда романа немедленно отменяет все то надуманное и ложное, что есть в нем для партийной охранки, для цензуры. Шолохов-художник побеждает Шолохова-публициста. Его роман становится обвинительным документом против большевизма.

Дм. Рудин

Н. В. Пятницкий

Германский удар на западе

Пассивный образ действий германской стратегии, производившей в течение очень долгого времени продолжительный и сложный маневр отвода своих армий к сокращенным фронтам для сосредоточения своих главных сил к границам Германии, очень способствовал внедрению в легковерные западно-европейские массы неприятельской пропаганды, кричавшей о том, что Германия исчерпала возможности упорного сопротивления.

Почему же германская стратегия прибегла к такому образу действия?

Во-первых, потому, что союзники за 5½ лет войны накопили значительное превосходство сил, против которого борьба на растянутых фронтах первой половины текущей кампании становилась нецелесообразной.

Во-вторых, потому, что отдаленные фронты во Франции, в Балканских странах и в Советском Союзе были окутаны густой партизанщиной, согласно основным военным планам противников Германии. Избежать последствий этой партизанщины можно было бы только оставлением областей, охваченных партизанщиной.

В-третьих, потому, что измена итальянского, румынского, болгарского и финляндского правительства понуждали эвакуировать германские войска из этих государств.

В-четвертых, потому, что промышленная мощь противников Германии не давала возможности для немцев конкурировать с ними в этом отношении, и для Германии дальнейшая борьба оказалась связанной с изобретением совершенно новых видов вооружения, в связи с чем весь германский военно-промышленный аппарат был переделан для фабрикации преимущественно новых средств войны. На это требовалось время, и для выигрыша этого времени оказалось необходимым перейти к тактике затяжных боев, в которых должна была растрачиваться боевая мощь противника.

Все эти условия, понимаемому, и были истолкованы врагами Германии, как признаки приближающегося конца боевой мощи Германии.

Англо-американский генеральный штаб, не допуская даже мысли о возможностях германского контр-удара, готовился утроить и даже учетверить усилия в наступлении на Рурский и Саарский бассейны, нагромоздив невиданные запасы материалов и снабжения под Аахеном и Страсбургом. В это же время германское командование в полной тайне подготовило и провело операцию прорыва в юго-восточную Бельгию и центральный Люксембург, причем все запасы военного снабжения этих районов попали в руки немцев. Теперь перед англо-американцами стоит проблема, если бы им пришлось снова возобновить наступательные операции на Аахен и Страсбург, — накопить новые запасы снабжения и материалов, на что нужно длительное время.

Глубокое эшелонирование наступающих германских сил позволило последовательно очищать тыл далеко продвинувшихся вперед наступавших частей от еще продолжавшего занимать в глубине опорные пункты противника. Наступающие колонны бронетанковых войск сумели опередить стихийный откат американских тылов к реке Маас. Германские танковые части быстро вклинились внутрь горного района Арденн. Американские частные резервы и подкрепления, бросаемые в бой союзным командованием с целью остановить германское продвижение, были смяты и разделены на отдельные, изолированные друг от друга, группы. К Новому году, с начала наступления, т. е. с 16 декабря, было взято 25.000 пленных и 400 орудий; за это время было уничтожено 1230 неприятельских танков. С Нового года по 10 января на западе было подбито еще 350 танков.

К 26 декабря сильные группы американцев были окружены севернее Бастонь, южнее немцы заняли г. Мартелянж. Передовые части вышли далеко на запад к Рошфор и Либрамон, вклинившись на 75 километров от исходного положения.

Прорыв принял форму огромного тупого клина. Скошенные стороны этого клина, являясь флангами прорыва (с севера — Рошфор, Ставелот, Мальмеди, Моншау, а с юга — Либрамон, Мартелянж, Эхтернах), должны были выдержать контр-удары американцев.

Американское командование, почуяв катастрофу, тотчас же приостановило наступление под Аахеном и снятыми оттуда резервами ударило на шестой день операции, 21 декабря, в северный фланг германского клина, на Мальмеди, наступая от Ставелота до Эльзенборна. Удары эти были безрезультатны, затихнув к 30 декабря. Потом последовал удар на Рошфор—Марш—Ларош; особенной силы удар был нанесен двумя американскими танковыми дивизиями на Ларош, где правый фланг немцев был вдавлен на юг.

В то же время американцы сняли другие дивизии из Эльзас-Лотарингии, прекратив в там свое наступление и перейдя к обороне. Эти дивизии были тотчас же брошены с юга на север, сначала на Эхтернах, а потом на Бастонь, севернее которого были окружены большие группы противника. Здесь то же левый фланг немцев был вдавлен на север, к самому городу Бастонь и восточнее его. Таким образом, между ударными группами американцев на севере и юге, вдавившими фланги немецкого вклинения, образовалась теснина, шириною в 23 клм. В это критическое место прорыва противник продолжает наносить удары, с целью отрезать лежащий впереди и западнее четырехугольник Ларош — Рошфор — Либрамон — Бастонь. Сейчас начались и более глубокие попытки бить между реками Сальм и Урт. Такая же попытка имеет место и на юге, по направлению к Вильтц.

Нельзя не отметить той особенности, что главную роль на западно-европейском театре играют исключительно американцы. Англичане в этой игре участвуют только сбоку, на голландской территории. Из 44 американских дивизий, имеющихся на западно-европейском театре, к месту прорыва теперь приковано почти три четверти (31 американская дивизия, 1-я, 9-я и 3-я американские армии).

В германской военной сводке от 8 января впервые упомянуто указание о появлении английских дивизий на американском участке, которые приняли участие в контрударах американцев на северном фасе германского вклинения. Англичане «соблаговолили» помочь своим союзникам только на 24-й день операции. Такова «быстрота» оперативного взаимодействия англо-американского союза. Соединения британской армии, стоящие вдоль нижнего Мааса в Голландии, пришли на помощь американцам, вероятно, лишь после многократных воплей своих союзников.

Весьма примечательно, что германское командование, тотчас же после появления англичан на фронте немецкого наступления, поспешило сделать ударный контрманевр, перебросив для угрозы англичанам на западный берег реки Маас свои части, организовав там и прочно удержав в своих руках предмостное укрепление у г. Ванссум.

Прямым следствием германского наступления в юго-восточной Бельгии является все возрастающая активность немцев на южном фланге западного фронта. Немецкое наступление в этом районе очистило уже около сотни населенных пунктов, пройдя линию Мажино на участке в 40 клм. Продвижение германцев отмечается восточнее Саргемюнд, по обе стороны г. Битч, где у американцев отобран Шиссек. Наступающие немецкие части овладели г. Вейсенбург, перейдя на южный берег реки Лаутер и распространяясь далее на юг. Севернее Страсбурга германские части переправились через р. Рейн и укрепились на восточном его берегу. Одновременно другие части немцев перешли в наступление и с юга от города. Таким образом, для американцев создается угроза потери и города Страсбурга. Такое же успешное продвижение немцев идет и в нижних Вогезах. Разовьется ли это тактическое продвижение в стратегический успех в этом районе — покажет будущее.

Начатое германской армией 16 декабря зимнее наступление на западном фронте свидетельствует о возродившейся, после долгого перерыва, активности германского командования. Таким образом, оно может стать поворотным этапом войны.

На рождественском богослужении в день открытия «Народной Помощи».

Наша хроника

В городе Осло, столице Норвегии, состоялась конференция находящихся там представителей народов России, на которой выступил командированный штабом РОА полковник Зверев.

Полковник Зверев, прослуживший свыше 20 лет в Красной армии и занимавший пост военкома Харькова, попал в немецкий плен в 1943 году и тотчас же присоединился к генералу Власову. Полковник Зверев, а также выступивший на конференции полковник Ананьин, бывший комендант Ленинграда, ознакомили собравшихся с деятельностью Освободительного Движения народов России.

Тысячи военнопленных присоединяются к Освободительному Движению Народов России. По их словам, имя генерала Власова и Манифест Комитета Освободительного Движения Народов России, широко известны по ту сторону фронта и в Советском Союзе имеют уже миллионы приверженцев.

На призыв «Народной Помощи» откликнулись также военнопленные. Из Шталага III Д ими переданы для «Народной Помощи» рождественские подарки детям — около двухсот всевозможных игрушек. Для детей связаны теплые носки, сшиты туфельки и пр. Помимо всего, военнопленные из своих скудных грошей пожертвовали более 3000 марок деньгами.

Не осталась в долгу перед военнопленными и «Народная Помощь». Представители ее явились в один из берлинских лазаретов, в котором находятся на излечении военнопленные. После торжественного богослужения, пленным были розданы рождественские подарки. Большую радость больным доставил и хороший концерт, проведенный хором Казачьей православной церкви.

Встреча военнопленных с представителями «Н. П.» глубоко тронула всех присутствовавших. «Пусть наши соотечественники знают, что мы вместе с ними и на благо общего дела всегда готовы пожертвовать всем, что имеем», — говорили военнопленные, в этот день еще сильнее почувствовавшие себя членами единой семьи народов России. О.

В. Мурзин

„Сталинский аристократ"

(Письмо с фронта)

Воздушный бой окончился внезапно. Нападавший истребитель отвалил в сторону и вышел в замкнутый круг. С земли было хорошо видно, как, объятый густым облаком черного дыма, советский бомбардировщик круто пошел вниз.

— Прыгнул, прыгнул!... — крикнул кто-то из группы офицеров, внимательно наблюдавших с пригорка молниеносную развязку боя.

Маленькая, едва заметная, человеческая фигурка, беспорядочно переворачиваясь в воздухе, с огромной быстротой неслась к земле. Советский летчик, видимо опасаясь быть застигнутым горящим самолетом, намеренно затянул прыжок. Высокий, сухощавый полковник, командир русской добровольческой части, с волнением отсчитывал вслух:

— Две тысячи метров! ... Полторы! ... Тысяча! ...

И когда до земли оставалось всего каких-нибудь 400 метров, летчик, наконец, раскрыл парашют.

— Уфф! ... — сразу облегченно вздохнули офицеры.

— Чтоб тебя кошки съели! ... — пробурчал полковник и приказал своему адъютанту организовать поиски и захват приземлившегося летчика.

Через два часа советский летчик-капитан был доставлен в штаб добровольческой части. Когда его ввели в помещение, в котором уже находилось несколько красноармейцев, взятых в плен в ночном бою, он остановился на пороге, пристально оглядел их и спросил густым, грохочущим басом:

— Ну, орлы, а все-таки чья будет победа?

Пленные косо посмотрели на него и отвернулись. Никто из них так и не ответил на его вопрос.

— Эх, пехота, матушка ... — с горечью сказал капитан и пошел в угол.

Однако, расположиться на облюбованном месте он не успел. Вошел унтер-офицер и предложил ему немедленно следовать к командиру части. Когда летчик, выходя из помещения, закрывал за собой дверь, кто-то из пленных с насмешливым презрением кинул ему вслед:

— Тоже мне, подумаешь, аристократ.

Пленного советского летчика командир части встретил приветливо. Несколько минут в комнате стояла тишина. Два человека незаметно наблюдали друг за другом.

Огромного роста, с хмурым горбоносым лицом, капитан угрюмо молчал. По его крепко сжатым губам, по нахмуренным мохнатым бровям, по всей его мощной, но как будто придавленной чем-то фигуре было хорошо заметно, что плен очень тяготит этого человека. Как только в воздухе, где-нибудь по близости загудит самолет, он порывисто, забинтованными руками, поправляет над глазами повязку и настороженно всматривается в маленький кусочек облачного неба, видимого ему через окно.

— Как чувствуете себя, капитан? — прервал, наконец, молчание полковник, в упор рассматривая внушительную фигуру летчика.

— Тело — что! До свадьбы заживет. Душа вот, обожжена, а это похуже будет ... — с печальной усмешкой ответил летчик.

— Я прекрасно понимаю ваше состояние, капитан. Три года тому назад я сам испытывал то же самое ... — командир части достал портсигар, предложил сигарету своему собеседнику и сам взял. Оба закурили. Затянувшись несколько раз с наслаждением глубокими жадными затяжками, летчик медленно выпустил через рот синюю струйку дыма и сказал:

— Прошу прощения, господин полковник, напрямоту. Будем откровенны. Ведь вы вызвали меня к себе, чтобы узнать, что нового сейчас творится у нас в Советском Союзе? Не так ли? А поэтому я вам все сразу сам расскажу и на все вопросы отвечу. За исключением, конечно, узко-специальных. Вы, я думаю, господин полковник, в этом отношении меня поймете ...

— Начну я вот с чего. Несколько минут тому назад, когда я выходил из помещения, в котором находились пленные красноармейцы, кто-то из них крикнул мне в спину: «Аристократ ...» Это — не случайно. К нам, летчикам, в Советском Союзе так все и относятся. Считают нас за какую-то особую касту, отличную от полевых войск Красной армии. Да это и понятно. Недаром же сам Сталин заботится об авиации! У нас и американское новое кожаное обмундирование, и английский шоколад, и австралийские бисквиты, и жены, под час, под боком. А в пехоте что? Зимой и летом в грязи, в стуже, потные дни без сна и без отдыха в окопах. А олеты как? Вот поэтому-то антагонизм между пехотой и авиацией достиг предела. И все-таки, несмотря на все сталинские заботы, наши летчики перелетают к нам. А почему? Сейчас я вам расскажу ...

Капитан взволнованно передохнул и выпил воды.

— Главное в том, что не только пехота, но и летчики уже перестают верить в, так называемую, «эволюцию» большевизма. Война надоела всем по горло. Каждому хочется отдохнуть, съездить домой, повидать семью. А с переходом Красной армией прежней границы, каждый солдат все больше убеждается, что война не заканчивается, а, наоборот, только разгорается. Заигрывая с народом, большевики в то же время продолжают гнуть свою линию. Взять, к примеру, награждение орденами. Если проследить все указы Верховного Совета за этот год и сравнить их с прежними, то можно установить, что в 1944-ом году награждение орденами «Суворова», «Кутузова», «Александра Невского» и «Богдана Хмельницкого» почти прекратилось. Награждают сейчас преимущественно революционными орденами: «Ленина», «Красного Знамени», «Красной Звезды». А вообще же, советская пропаганда опять резко свернула в сторону интернационализма. Таких слов, как: «Русь», «Русский солдат», «Русская земля» и многие другие — сейчас почти не услышишь.

Погруженный в свои мысли, капитан замолчал.

— Скажите, капитан, а как советское офицерство относится к своим англо-американским союзникам?

— Хм! ... — улыбнулся капитан. — Известно, как! ... Союзники, но не друзья. Союзники, — но по расчету. Некоторые офицеры прямо говорят: «Готовясь к войне с Советским Союзом, англо-американцы потому и помогают Красной армии, чтобы истощить ее в боях с немцами». А, вообще, каждый из нас твердо уверен, что война с Англией и Америкой не за горами и может вспыхнуть каждую минуту.

— Да ... — протянул полковник. — А вам приходилось что-нибудь слышать о генерале Власове, о РОА, об Освободительном Движении? Как к этому вопросу относятся на той стороне?

Летчик улыбнулся и искоса посмотрел на эмблему РОА, нашитую на рукаве мундира полковника.

— Откровенно говоря, я только теперь воочию убедился в существовании РОА. А о Власове я слышал давно, еще в 1943 году. Даже этим летом в Калуге, случайно, листовки читал с его подписью. Но все не верил, думал, что это только одни слова. Красная армия и советский народ об Освободительном Движении осведомлены достаточно. О Манифесте знают чуть ли не в каждой деревне. Между прочим, интересный факт рассказал мне секретарь партийного бюро нашего полка. После свидания в октябре месяце этого года Власова с Гиммлером, секретарь ЦК ВКП(б) Маленков созвал в Москве инструктивное совещание, на котором присутствовали ответственные работники НКВД и милиции. Под строжайшей тайной всем участникам совещания было рассказано об этой встрече. Особое внимание Маленков обратил на повышение бдительности и подготовку контр-мер к возможным выступлениям внутри Советского Союза. Судите сами, как относится народ к Освободительному Движению ...

И до глубокой ночи продолжалась беседа двух русских людей, по существу, совершенно не испытывающих вражды друг к другу.

Ответственный редактор генерал лейтенант Г. Н. ЖИЛЕНКОВ
Заместитель ответственного редактора А. КАЗАНЦЕВ

Wolja Naroda Verlag GmbH Berlin C 2, Magazinstr. 15-16. Hauptschriftleiter: Generalleutnant Georgij Schilenkow. Stellvertreter des Hauptschriftleiters: A. Kasanzew. Druck: Wendt & Matthes G. m. b. H., Berlin C 2. Zur Zeit Anzeigenpreisliste Nr. 3 v. 26 August 1943 gültig. RPK 1/100